

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ОТДЕЛЕНИЕ
ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК

**ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ
И РОССИЙСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ**

Под редакцией В.А. Тишкова, Е.А. Пивневой

УДК 94/908
ББК 63.3
И 90

Публикуется в рамках Программы фундаментальных исследований
Президиума РАН «Историческая память и российская идентичность»

Утверждено к печати Отделением историко-филологических наук РАН

Историческая память и российская идентичность / под. ред. В.А. Тишкова, Е.А. Пивневой. М.: РАН, 2018. – 508 с.

В книге отражены основные результаты по Программе фундаментальных исследований Президиума РАН «Историческая память и российская идентичность» (2015–2017 гг.). В итоговых статьях участников программы раскрыты механизмы и исторические траектории формирования национальной идентичности в различных странах на разных этапах истории; уровни и формы коллективных идентичностей (гражданской, этнической, религиозной, регионально-локальной); факторы этнокультурного развития и принципы самоопределения в современных условиях. Большое внимание уделено изучению исторического опыта сосуществования носителей разных культур, традиций, исповеданий в формировании российской государственности.

Для историков, антропологов, социологов, лингвистов и широкого круга читателей.

ISBN 978-5-907036-24-6

© Отделение историко-филологических наук РАН, 2018

© Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, 2018

© Коллектив авторов, 2018

СОДЕРЖАНИЕ

Введение.

Тишков В. А. Междисциплинарный взгляд на историческую память и идентичность 5

Раздел 1. Историческая память..... 12

Шнирельман В. А. Социальная память – вопросы теории 12

Ионов И. Н. Формы исторической памяти и проблемы идентификации .. 35

Буганов А. В. Русские начала XXI в. Историческая память и этнокультурная идентичность 52

Лисовой Н. Н., Назаренко А. В., Мельникова Л. В., Смирнова И. Ю. Империя и Церковь в истории России: духовные основы политики, национальной безопасности и русского присутствия в мире (XVIII – начало XX вв.) 70

Лупанова Е. М. Историческая память о М. В. Ломоносове и национальная идентичность 98

Малинова О. Ю., Ефремова В. Н. Коммеморации исторических событий и государственные праздники как инструменты символической политики 115

Маловичко С. И. Национально-государственный нарратив в структуре национальной истории 133

Семенова В. Н. Частные инициативы по сохранению исторической и культурной памяти как маркеры петербургской идентичности: к вопросу о конструировании форм регионально-локальных общностей ..160

Сутягина Л. Э. Ленинградская эпопея: Проблемы и ресурсы сохранения исторической памяти..... 174

Дроздов К. С. Сталинград: военная машина Рейха против интернационала советских народов 185

Дубровская Е. Ю. Революция 1917 года и Гражданская война в воспоминаниях жителей Российской Карелии 1930-х – 1950-х гг.: конфликт идентичностей..... 203

Раздел 2. Российская идентичность..... 223

Коваль В. Ю., Армарчук Е. А., Кузина И. Н., Зайцева И. Е., Чернецов А. В. Русь и народы евразийских степей в X–XVII вв..... 223

Жиромская В. Б. Исторический опыт формирования полиэтничного населения Москвы как центра Российской государственности 234

Кляус В. Л. Китайско-русские метисы Трехречья (КНР): идентичность во времени и пространстве 246

Пушкарева Н. Л., Белова А. В., Мицюк Н. А., Громова А. И. Материнская идентичность, семейная и коллективная память о «женском предназначении» в России: историографические наблюдения ..289

Савин И. С. Историческая память и российская идентичность на Северном Кавказе: особенности восприятия молодежи 312

Савоскул С. С. Историческое сознание и российская, русская и локальная идентичности 342

<i>Узунова В. Г.</i> Гиперидентичность личности «петербургского стиля»	364
<i>Илле М. Е.</i> Образ настоящего петербуржца в массовом сознании горожан	375
<i>Мазалова Н. Е.</i> Выборжане: историческая память и идентичность	397
<i>Белякова Н. А., Клюева В. П.</i> Конструирование идентичности у советских протестантов: через индивидуальный поиск к обретению общины	408
Раздел 3. Историописание и память	424
<i>Козлов В. П.</i> Документальная память в архивоведческом, археографическом и источниковедческом знании	424
<i>Крысько В. Б.</i> Тезаурус древнерусской лексики: к изданию XI тома Словаря древнерусского языка (XI–XIV вв.)	431
<i>Бобкова М. С.</i> Понятие «историописание» в трудах М. А. Барга и современная история исторического знания	442
<i>Ковалев М. В., Мирзеханов В. С.</i> Историки Зарубежной России: модели времени и жизни	450
<i>Сидоров А. И.</i> История в стиле Лего	463
<i>Стефанович П. С.</i> Новые подходы к этничности в медиевистике: взгляд из «древнерусской перспективы»	467
<i>Айзенштат М. П.</i> Четверть века в истории сообщества англоведов: трансформации и бытование российской традиции историописания	487
<i>Коновалова И. Г.</i> Особенности регионального описания в арабской географической литературе IX–XII веков	495
Сведения об авторах	504

П. С. Стефанович

НОВЫЕ ПОДХОДЫ К ЭТНИЧНОСТИ В МЕДИЕВИСТИКЕ: ВЗГЛЯД ИЗ «ДРЕВНЕРУССКОЙ ПЕРСПЕКТИВЫ»

В современной этнологии после десятилетий фундированной критики традиционного «примордиализма» (или «эссенциализма») преобладающим становится конструктивистский подход, который переносит акцент с этноса как «объективной реальности» на субъективное понимание или ощущение этнического (см., например: Кадыров Ш. Х. и др. 2013). В такой перспективе приходится говорить больше об этнической идентичности (или (само)идентификации) и об этничности (как самосознании или дискурсе), чем собственно об этносе. Во многом этот поворот соответствует развитию социологии, в которой сегодня понятие идентичности стало одним из ключевых, и с его помощью социологи рассматривают этнос как социальный коллектив (см., например: Jenkins 2004; Jenkins 2008). Этническая идентичность с их точки зрения – это такое же коллективное самосознание, как и у других социальных групп, а также «высшая форма социальной лояльности» (De Voss G., Romanucci-Ross L. 1995: 350).

Постепенно начинают говорить об этничности и идентичности также историки, в том числе и медиевисты. Однако в инструментарий исследователей Древней Руси эти понятия пока по-настоящему не вошли. Традиционное «примордиалистское» понимание этноса, характерное для советской историографии, остается преобладающим в этой области и сегодня. Альтернативные теории или критика иногда озвучиваются, но скорее в декларативном ключе. Так, например, в одной из недавних работ этнолога, обратившегося к истокам русского национализма (в смысле дискурса о нации, а не шовинистической его интерпретации), отмечена возможность двух подходов к исследованию «национального» самосознания средневековой руси⁹⁸: «Одна позиция – позитивистско-социологическая, опирающаяся на такие артефакты, как схожесть/несхожесть материальной культуры, свидетельства общей власти и веры, данные о языке и письменных памятниках. Именно на различиях строятся опрокинутые в прошлое наши сегодняшние представления об этнических общностях – народах-племенах или народностях. Отсюда появляется “этническая история древней Руси”, и этнический компонент становится одним из доминирующих в групповых и политических классификациях. Другая субстанция – интерпретивно-конструктивистская, которая исходит из того, что представления людей и природа их коллективных связей серьезно отличались от современных. Социальные коалиции или коллективы, включая протогосударственные образования, образовывались не столько на культурной общности, сколько на сеньориальной зависимости/принадлежности, на династической солидарности и лояльности подданных, на некоторых единых правовых нормах, на одной религиозной вере и, наконец, на соотношении военно-политической силы завоевателей

⁹⁸ Здесь и далее *русь* со строчной буквы обозначает этнос, с заглавной – страну и государство.

и данников. И уже на этой, а совсем не на этнокультурной гомогенности рождались и существовали представления об общности, об общей земле и осознании себя как некий один люд или народ» (Тишков 2013: 91).

Однако, обозначив два подхода, автор затем не приводит ни одной работы, написанной в духе второго (конструктивистского), и сам даже скорее присоединяется к поборникам первого – «позитивистско-социологическо-го», то есть фактически «примордиалистского».

Разумеется, восприятие в 1990-е и 2000-е годы западной литературы и, в первую очередь, целого ряда фундаментальных работ о происхождении и сути современных наций и национализмов, не могло не привести к расширению познавательной перспективы историков Древней Руси. Критика советско-марксистской теории этноса (см.: Филиппов 2010) должна была в той или иной степени затронуть и идею «древнерусской народности» как «колыбели» трёх братских восточнославянских народов, развитую в рамках этой теории⁹⁹.

Отходом от модели «древнерусской народности» стали трактовки «этногенеза» Руси, предполагавшие, что этот народ вырос не из племенных общностей (как предписывал советский эволюционизм), а из социально-профессиональных групп – военных (дружин) или торговых (см., например: Петрухин 2012; Петрухин 2017; Толочко А. 2015: 103 и след., 314). Скептическая оценка советской историографии содержится в публикациях И. Н. Данилевского. В наименовании «Русь» он видит главным образом религиозно-конфессиональный смысл и сомневается в этническом содержании тех древнерусских слов, в которые такое содержание «по умолчанию» вкладывают носители современного русского языка (например, «народ») (Данилевский 2001). Авторы этих критических работ делают акцент не на экономическом и политическом факторах образования руси как народа (как в теории «древнерусской народности»), а на религиозном (принятии христианства).

Однако в работах, критически настроенных к советской историографии, отсылки к альтернативным теориям и идеям редки, а в тех случаях, когда они есть, часто речь идёт о поверхностном знакомстве с зарубежной литературой и случайном «выхватывании» отдельных тезисов или терминов.

Так, А. П. Толочко, сознавая противоречивость сообщений ПВЛ по этнической истории руси и других народов, предложил трактовать их как позднейшие «конструкции», не отражавшие реальность (Tolochko O. 2007; Толочко А. 2002). Но конструктивистский подход современной науки применяется им однобоко, а именно – как последний возможный способ определить хоть как-нибудь то, что плохо понимается и не объясняется логично и последовательно. Между тем, настоящий «конструктивизм» предполагает не только констатацию того, что некий текст был сконструирован, но и вскрытие тех литературных, идеологических и других устремлений, какими руководствовался соответствующий автор-«конструктор», и «механики»

⁹⁹ Идея «древнерусской народности» оформилась в конце 1940-х–1950-х гг. в трудах В. В. Мавродина, Б. А. Рыбакова и Л. В. Черепнина (см.: Фроянов 1990: 6–29; Юсова 2005). Общеизвестной эта идея была до 1990-х гг. Одна из последних попыток её последовательного обоснования: Толочко, 2005.

его работы. Кроме того, специальные исследования показали, что какие бы фантастические конструкции не выстраивались, их авторы не могли работать «на пустом месте», – они оперировали в определенном историко-культурном контексте, обращались к читателям, имевшим и некие знания, и некие ожидания, а значит, так или иначе опирались на реальность или отталкивались от нее. Сравнение одних источников с другими, где сознательные манипуляции с реалиями были минимальны и/или происходили из других побуждений и осуществлялись другими методами, дает возможность выявления объективной информации о прошлом. Таких исследований А. П. Толочко не проводит, довольствуясь ссылкой на «воображаемые сообщества»¹⁰⁰. Кстати, можно заметить, что сам автор этого ставшего расхожим выражения, Бенедикт Андерсон, совсем не имел в виду, что нации (предмет его исследования) лишь «конструируются» и не существуют реально, – его мысль была в том, что родство, которое предполагается чувством национальной (этнической) принадлежности, отдельный человек не может верифицировать в непосредственно данном опыте и может только «вообразить» (см. об этом в предисловии к русскому переводу его книги: Андерсон 2001).

На первый взгляд более обстоятельной и серьезной кажется попытка С. Плохия, специалиста по истории Украины Нового времени, применить к Древней Руси понятийный аппарат исследователей становления современных наций (Plokyh 2006: 10–48). Но на деле метод работы автора оказывается простым: он повторяет те или иные выводы специалистов по истории и литературе Древней Руси, не разбираясь в сути, а лишь снабжая их «западной» терминологией. Так, отмечая ту же противоречивость рассказов начального летописания, С. Плохий не объясняет ее по сути, а ссылается на некую «гибридную идентичность» Руси X–XI вв. В XII в., по его мнению, эта идентичность раздробилась в соответствии с территориальным делением Руси, и он пишет уже о «множественности идентичностей», – одна остается для Русской земли поднепровской-киевской (Русской земли «в узком смысле слова»), а другие возникают локальные. Но не объясняется ни тот факт, что представление о Руси «в узком смысле слова» древнее XII в., восходя, по крайней мере, к XI в. (Насонов 2002 [1951]: 27 и след.; Кучкин 1995), ни то обстоятельство, что локальные идентичности были привязаны к локальным городским центрам (новгородцы, галичане и т. д.), а не отсылали к самой Руси в целом. Вроде бы некую общую идентичность для всей домонгольской Руси С. Плохий признает, но считает ее «элитистским проектом». Как определять по доступным нам источникам, что элитарно, а что свойственно широким кругам населения, – остается неясным. При всем том автор допускает существование и этнических, и религиозных, и других идентичностей, и в его рассуждениях, в конце концов, имя «Русь» становится какой-то бездонной черной дырой, то ли поглощающей, то ли рождающей любые смыслы, какие бы ни пожелал исследователь, отягощенный «многой мудростью» современной науки и жонглирующий термином «идентичность» как универсальной отмычкой.

¹⁰⁰ Статья А. П. Толочко об «этнографии» «Повести временных лет» (Tolochko, 2007) уже получила критические отклики: Лукин 2010; Щавелев 2015: 103–104.

К сожалению, ни в работе Плохия, ни в других указанных работах нет сколько-нибудь углубленных обзоров западной литературы. Заимствованные понятия употребляются неотрефлексированно, а суть новых подходов не излагается внятно, и часто возникает подозрение, адекватно ли они понимаются.

В данной статье представляется опыт применения нового понимания этничности в медиевистике на примере так называемой «Венской школы». В настоящее время общепризнанным главой этой медиевистической «школы» является австрийский историк Вальтер Поль – автор многочисленных публикаций, редактор ряда сборников, инициатор и глава нескольких крупных международных исследовательских проектов, директор Института средневековых исследований Австрийской Академии наук¹⁰¹. Свои идеи и методологические разработки Поль представил в серии статей, коррелирующих с конкретно-историческими исследованиями и его собственными, и его коллег¹⁰².

Подходы «Венской школы» и, в частности, Поля, уже привлекли внимание российских историков, посвятивших ей специальные обзоры (Дмитриев 2008: 19-29; Шпирт 2013). Однако в этих обзорах, выполненных специалистами по раннему Новому времени, недостаточно, на мой взгляд, учитывается медиевистический историографический контекст, в котором возникла и существует «Венская школа», и не всегда адекватно расставлены акценты. В моем обзоре большее внимание уделяется теоретической трактовке этничности и новейшим работам Поля, и, в конечном счете, меня интересует возможность применения этих подходов к древнерусской истории. Как показывает некоторый опыт, в первую очередь именно от коллег по медиевистическому «цеху» русистам надо ожидать плодотворных идей, применимых на древнерусских источниках (сошлюсь на собственное сравнительно-историческое исследование: Стефанович 2012).

* * *

«Венская школа» медиевистики возводит свое начало к фундаментальному исследованию немецкого историка Райнхарда Венкуса «Формирование и устройство племени: становление раннесредневековых *gentes*» (Wenskus 1961). Этот труд стал рубежным в том смысле, что в нем последовательно и бесповоротно был пересмотрен традиционный для европейской медиевистики (и идущий еще из античности) взгляд на «варварские» германские общности эпохи Римской империи и раннего Средневековья как на племена или народы, каждый из которых представлял собой гомогенную группу, связанную общим (биологическим) происхождением, и которые все вместе обладали теми или иными специфическими «германскими» чертами (самосознанием, социальным строем и т. д.).

Венкус убедительно показал, что те критерии, которые со времен древнегреческих и древнеримских «этнографических» описаний предлагались

¹⁰¹ См. его профиль на сайте Института: <https://www.oeaw.ac.at/imafo/das-institut/mitarbeiterinnen/walterpohl/> (дата последнего обращения: 8.11.2017).

¹⁰² Обобщение статей предполагается в его монографии на английском языке, которая заявлена к публикации в издательстве «Brepols Publishers» (Бельгия) под заглавием «The Barbarian Challenge: Making Sense of the Other in Early Medieval Texts». Правда, публикация была заявлена еще в 2011 г., но до сих пор не состоялась.

для различения народов (родство, язык, культура и т. д.), не были универсальны (ни вместе, ни по отдельности) и сами по себе не определяли принадлежность к «племеню». Утверждения о родственном происхождении членов той или иной общности отражали не реальность, а лишь их веру в это (или попытки отдельных людей убедить в этом прочих). Венкус заключил, что единственным решающим критерием в действительности была самоидентификация. Этот вывод, перекликающийся с критикой «примордиализма» в этнологии, позволил историку иначе интерпретировать миграционные процессы эпохи Великого переселения народов.

Общепринятая на тот момент модель миграции предполагала передвижение народов как гомогенных групп (как бы неизменных сущностей) – словно «катящиеся по столу бильярдные шары», по метафоре Питера Хизера (Хизер 2016: 31). Венкус же видел «мотор» этих передвижений в небольших группах людей – как правило, воинов, – которые объединяли вокруг себя других людей самого разного происхождения, принимавших их имя (идентичность). Эту модель можно сравнить со снежным комом, который, получив первоначальный импульс и двигаясь, растет за счет «налипающих» элементов. Первичные группы, превращавшиеся в элиты новых образований, выступали носителями не только имени, но и некоей «традиции», которая расценивалась как престижная и объединяла людские массы. В этой «традиции» Венкус видел, прежде всего, предания и нормы, передававшиеся устно и сообщавшие отличительные черты новообразованной общности. Хранившую ее элиту (правителей, лидеров, интеллектуалов и т. д.) он называл «ядром традиции» (Traditionskern), вокруг которого постепенно и медленно формировалось «племя». По его мнению, распознать (а в некоторых случаях и реконструировать) эту традицию можно по позднейшим, сохранившимся в передаче средневековых авторов, рассказам о происхождении тех или иных «племен». Этим рассказам, которые медиевисты обычно объединяют в особый жанр *origo gentis* («происхождение народа»), посвящена обширная исследовательская литература.

Продемонстрировав гетерогенность, текучесть и нестабильность этнополитических общностей эпохи распада Римской империи, Венкус поставил под вопрос и тезис о «германском континуитете» и вообще об общем наследии германцев. В этих общностях он не видел непосредственных «предков» немцев Нового времени и даже не называл их «народами», избегая слова *Volk* («народ»), которое в современном немецком языке оказалось слишком «перегружено» модерными смыслами. Полагая, что их уровень социально-политического развития соответствует скорее «племеню», он предпочитал латинский термин *gens*, который использовался римлянами и потом в средневековой литературе для указания на «варварские» общности (неслучайно этот термин Венкус вынес в заглавие своей книги). Неустойчивый и неопределенный в социально-правовом смысле строй «варваров», а также их сознание (в том числе этническое), он считал специфичными именно для Европы и именно для этой эпохи и предлагал называть этот строй «гентилизмом» (*Gentilismus*), а варварские общности «гентильными»¹⁰³.

¹⁰³ См. об истории понятия, в котором отразились самые разные смыслы – от библейского словоупотребления

Идеи Венкуса нашли довольно широкую поддержку и отклик, – прежде всего, в немецкоязычной историографии. Среди тех, кто развивал его модель на тех же раннесредневековых европейских материалах, наиболее известен австрийский ученый Хервиг Вольфрам, посвятивший специальное исследование истории готов (Wolfram 1980; в русском переводе: Вольфрам 2003). Вольфрам – учитель Вальтера Поля и других ученых, причисляющих себя к «венской школе». История готов, тщательнейшим образом разработанная Вольфрамом, стала образцовым примером последовательного применения модели Венкуса. Австрийский историк не только проследил передвижение «снежного кома» готского союза, показав его крайнюю пестроту и неоднородность, но и продемонстрировал, как готы интегрировались в позднеримский мир и осваивали принятые в нем дискурсы и приемы символической презентации. «Ядро традиции» готов он видел в готской династии Амалов, история которой сохранилась фрагментарно в «Гетике» Иордана (одном из первых произведений жанра *origo gentis*; сер. VI в.).

В отличие от Венкуса Вольфрам не был склонен к теоретической разработке вопросов, связанных с этничностью и «гентильным» строем. Он не реагировал на развернувшиеся в 1970–80-е гг. дискуссии вокруг наций как «воображаемых сообществ» и воспринимал существование самих этносов как данность. Историю готов до обретения ими физического и символического места в пост-римском пространстве он характеризовал термином «этногенез», вошедшем в оборот, в частности, благодаря работам Л. Н. Гумилева и подразумевавшим примордиально-«онтологическое» существование этносов. Более того, опираясь на форму политической организации и наличие «ядра традиции» как главный критерий, Вольфрам пытался выявить несколько «типов этногенеза» общностей в раннесредневековой Европе, включая славян и кочевников (Wolfram 1998).

В условиях победного шествия конструктивизма, а также «лингвистического поворота» и постмодернистского «вызова» в конце XX в. такой подход не мог не вызвать критики. В конце 1980-х гг. и в 1990-е гг. с резкими возражениями Венкусу и Вольфраму выступил американский историк Уолтер Гоффарт (продолжительное время работавший в Канаде в университете Торонто, где подготовил нескольких учеников). Гоффарт, прежде всего, отверг тезис об отражении некоей устной традиции в сочинениях жанра *origo gentis*. По его мнению, в этом тезисе сказывалось наследие романтической немецкой историографии, искавшей истоки «германского духа» и выродившейся в идеологии нацизма. На самом деле, утверждал Гоффарт, рассказы о происхождении и готов (Иордан), и франков (Григорий Турский), и лангобардов (Павел Дьякон), и других германских «племен» представляют собой не «историю народа» (*Volksgeschichte*), вписанную в национальную перспективу, а «произведения искусства, рожденные уникальностью письменного слова (*works of art, born of the rarity of the written word*)». Авторы этих

бления (слово *gens* использовалось в латинском переводе Ветхого Завета для обозначения всех языческих народов, противостоящих «избранному» народу евреев) до марксистской терминологии (например, в работе Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства») слово *gentil* употребляется в смысле «родовой»: Pohl 1998a; Pohl 2008a.

произведений работали в традициях античных жанров, создавая, собственно, не исторические сочинения, а литературные (любовную драму, сатиру и т. д.), и использовали сюжеты и образы из истории германских «варваров» в развлекательно-нравоучительных целях (*art and moral teaching*). Наивно верить *origines gentium*, и даже если теоретически предположить наличие в этих рассказах каких-то достоверных фактов, практически нельзя выявить их из «нарративных конструкций» (Goffart 1988: 432–437). Гоффарт также стремился показать, что не только средневековые сочинения перенимали античный дискурс, но и социально-политический строй варварских политий определялся заимствованиями из Римской империи и подражаниями ей (Goffart 1980).

Гоффарт и его ученики («торонтская школа») заняли довольно агрессивную позицию по отношению к «венской школе», обвиняя ее в «протаскивании» идей старой немецкой школы и чуть ли не «германском» реваншизме. В подготовленном ими сборнике высказывались довольно радикальные идеи, например, что самосознание германских «варваров» определялось не их прошлым, а парадигмами, заданными античной литературой (Goffart 2002); что современные историки едва ли могут судить о чем-либо, кроме сохранившихся текстов (Kulikowski 2002); что археология, в том числе славянская, перегружена национальными стереотипами (Curta 2002), и т. д. Завершается сборник статьей под характерным названием «Этногенез: Тирания концепта», автор которой заключает: «Сомнительно, что идея этногенеза может что-то объяснить в позднеантичной и раннесредневековой истории... Нам трудно уловить те «воображаемые сообщества», которые, согласно предположениям Венкуса и Вольфрама, существовали в умах варваров и римлян эпохи Великого переселения. Предполагаемые ими раннесредневековые воображаемые сообщества, наверное, говорят больше о современной науке, чем о социумах, существовавших на самом деле в ту эпоху»¹⁰⁴. В исследовательском инструментарии авторов сборника понятия этноса и этничности просто не нужны.

Более взвешенно пытается подходить к делу другой американский историк – Патрик Гири, который, сторонясь «крайностей» в рассуждениях Гоффарта, в то же время высказывал соображения, в чем-то сближающиеся с его позицией. С одной стороны, он так или иначе выражал неуверенность, могут ли современные историки вообще определить, что представлял собой этнос в Средние века. В одной из ранних статей Гири пытался применить «инструменталистский» подход, приводя примеры, как те или иные «варвары» эпохи раннего Средневековья меняли этнические идентичности или определяли себя одновременно несколькими, то есть использовали их как «ситуационные конструкты» (Geary 1983). В позднейших работах он писал о манипулировании прошлым средневековыми авторами и об отсутствии преемственности между современными национальными идентичностями и раннесредневековыми (Geary 1994; 2002).

¹⁰⁴ «It is doubtful that the ethnogenesis construct has anything meaningful to tell about late ancient or early medieval history... The 'imagined communities' that Wenskus and Wolfram presume existed in the minds of barbarians and Romans of the age of migrations are difficult for us to grasp. Their imagined communities of the early Middle Ages probably tell us more about modern scholarship than they do about the societies existing at that time» (Bowlus 2002: 256).

С другой стороны, Гири, как и Гоффарт, подчеркивал влияние античного наследия (культурного, политического, правового и т. д.) на формирование раннесредневековых общностей и идентичностей. Его утверждение во введении к книге 1988 г. стало, как выражаются некоторые, своего рода «мантрой» современных медиевистов: «германский мир был, возможно, величайшим и наиболее долговечным созданием римского военно-политического гения (the Germanic world was perhaps the greatest and most enduring creation of Roman political and military genius)» (Geary 1988: VI). Такой подход, разумеется, автоматически ставил под вопрос идею «ядра традиции», центральную для «теории этногенеза» Венкуса-Вольфрама.

Поддержание авторитета «венской школы» вплоть до сегодняшнего дня стало возможным во многом благодаря тому, что Вальтер Поль воспринял критику и попытался обновить и скорректировать изначальные положения школы в свете новых данных и импульсов из дискуссий других научных дисциплин конца XX – начала XXI в. Правда, перенос акцентов и обновление понятийного аппарата оказались в итоге такими значительными, что в пору было бы говорить о перерождении школы или основании новой.

В статье, которую Поль опубликовал в том же сборнике учеников Гоффарта как ответ на их критику, он, не согласившись с некоторыми из их принципиальных тезисов, в то же время выразил готовность отказаться от важнейших постулатов Р. Венкуса. Гоффарту он отвечает, прежде всего, по вопросу о сочинениях раннесредневековых историков, в которых отразились рассказы *origo gentis*. По мнению Поля, нельзя отрицать, что «варвары» в том или ином виде хранили некую устную историческую традицию. С «цивилизованной» римской (или пост-римской) точки зрения ее могли называть «*ridicula historia*» (как называет Павел Дьякон рассказы о прошлом лангобардов, ходившие в его время), но важно, что даже самые рафинированные авторы находили нужным так или иначе сослаться на нее и даже передавать в своих сочинениях (как делает тот же Павел, пересказывая *Origo gentis Langobardorum*). Причина была, очевидно, в том, что этих рассказов ожидала публика – те читатели, к которым обращались эти авторы. Не разделяя все эти истории на выдуманные или невыдуманные, надо все их рассматривать как механизмы памяти и идентичности, которые «работали» на фоне и в контексте того, что говорили люди, с которыми общались авторы, и что эти люди мыслили о самих себе. Тогда в раннесредневековых текстах, какими бы странными или недостоверными они нам ни кажутся, можно увидеть отражение самосознания, в том числе этнического. Это самосознание проглядывает и в самих наименованиях тех или иных общностей, и в их действиях, которые описываются во всех источниках именно как их действия – то есть осуществляемые общностью, выражающей себя через соответствующую этническую идентификацию (Pohl 2002: 224–234).

Венкус, по мнению Поля, все-таки сильно зависел от характерных для старой немецкой историографии представлений о специфике германских «племен», которые выделялись в нечто особое по сравнению и с Римской империей, и со славянами, и другими политическими или этническими общностями Античности и ранних Средних веков. С этими представлениями был связан акцент Венкуса на гентилизме как идеологии или строе, ко-

торый якобы сообщал особые черты германским gentes. С другой стороны, Полю представляется уязвимой модель «ядра традиции» как слишком «элитистская» и подразумевающая нечто «устойчивое и неизменное» (implies a misleading sense of solidity and immutability). По его мнению, представления «варваров» о прошлом были изменчивы, а кроме того, не надо думать, что только узкая элита лидеров или интеллектуалов имела такие представления. «Я бы скорее допустил, что всевозможные виды историй о происхождении ходили среди самых разных людей (I would rather assume that all sorts of origin stories about the Goths were known to all sorts of people)», – пишет Поль, ссылаясь на тот же пример готов. Разные «группы и сети (networks)» могли быть носителями разных «традиций», хотя в определенных ситуациях и в разные периоды актуализировались и сохранялись лишь некоторые из них (там же: 231–232).

Фактически Поль отказался и от термина «этногенез», потому что, по его мнению, уже в 1980-е гг. медиевистам стало ясно, что этнические изменения не ограничивались, собственно, происхождением и становлением (генезисом) того или иного народа, но были «скорее продолжающимся процессом, отмеченным периодами более динамичных перемен и фазами более медленного развития» (Pohl 2014: 559). В этом смысле следовало бы говорить не об одном этногенезе, а о многих, или о «перманентном этногенезе», который заканчивается только с выходом из употребления соответствующей этнической идентификации.

Собственные исследования Поля свидетельствуют о том, что их автор дистанцируется от наследия Венкуса (в большей мере) и Вольфрама (отчасти). Книга Поля об аварах ясно говорит о смене исследовательского интереса: хотя рассматривается та же эпоха Великого переселения народов, но в центре внимания оказывается уже не германская общность, которую Венкус еще мог назвать «племенем», а пестрый конгломерат разных этнополитических групп, который сплотила кочевническая элита (сама по себе неясного, но в любом случае неоднородного этнического происхождения) (Pohl 2015 [1988]). В книге о «германцах» автор причисляет Венкуса к старой немецкой историко-юридической (или историко-институциональной) школе (Verfassungsgeschichte) и скептически оценивает его попытки рассматривать в «племенной» парадигме германские gentes и выделять их в целом в некий специфический социально-исторический тип; модели Венкуса с «ядром традиции» противопоставляется «новое понимание этнических процессов» (Pohl 2004 [2000]: 7–10, 50, 67).

Это «новое понимание» Поль пытается применить в работах последних 20–25 лет, опубликованных главным образом в рамках коллективных международных проектов в качестве теоретико-методологических введений к сборникам. Обобщая эти статьи, важнейшими понятиями в них можно выделить такие, как «идентичность», «стратегия», «дискурс» и «культурная память». В одной из недавних статей представлена цельная концепция этничности с опорой на эти понятия (Pohl 2013a).

Поль противопоставляет два распространенных подхода к определению этничности: более традиционный, восходящий к античности, с опорой на набор объективных критериев (родство, язык, культура и т. д.), и раз-

витый в науке XX в. (начиная с определения М. Вебера¹⁰⁵), указывающий на субъективную веру в общее происхождение коллектива или просто на субъективное самоопределение как единственный критерий. Несмотря на распространенность в настоящее время второго подхода (его принимал и Р. Венкус – см. выше), Поль отмечает проблемы, с которыми сталкиваются историки, применяя его: 1) индивидуальной самоидентификации недостаточно для стабильной этнической идентичности, которая может быть только коллективной, – личное мнение нуждается в подтверждении группы; 2) при изучении прошлого у нас часто нет возможности зафиксировать субъективные представления или ощущения групповой солидарности; 3) идентификация личности с коллективом на основе неких общих идеалов или традиций происходит в самых разных социальных группах, поэтому опора на самоидентификацию не позволяет понять специфику этнической идентичности (Pohl 2013a: 9–10).

Чтобы избежать этих проблем, Поль предлагает искать некий компромиссный подход между объективным и субъективным в этничности, ссылаясь, в частности, на работы Э. Смита. Он признает, что этничности не существует без субъективного ощущения. Но в то же время, по его мнению, она выступала «как организующий принцип общества, который формировал социальный мир и его восприятие» (там же: 26). «Сформированный» таким образом социальный мир уже существует «объективно». В другом месте он пишет: «“этнические группы” – не сама реальность, а лишь инструменты для познания реальности; только если они достаточно успешно работают на то, чтобы ожидания и действия соответствовали друг другу, эти группы становятся “реальными” в социальном мире» (там же: 12).

Точка, где объективное и субъективное пересекаются, – это самосознание человека и его социальное поведение. Именно здесь ключевым становится понятие идентичности. Поль считает, что это понятие еще вполне сохраняет познавательно-объяснительные возможности (несмотря на высказывающиеся в последнее время мнения, что оно стало слишком расплывчатым (Брубейкер 2012: 63–126)), и предлагает понимать этничность как одну из коллективных (социальных) идентичностей (Pohl 2013a: 3–6).

Коллективная идентичность, по Полю, представляет собой «серию» или «ряд идентификаций»: 1) личный акт выражения принадлежности к какой-либо социальной группе, 2) коллективная само-презентация группы через ее представителей или всем коллективом, 3) классификация соци-

¹⁰⁵ См. в недавнем русском переводе: «Группы, которые, либо опираясь на сходство внешнего облика или обычаев или и того и другого вместе, либо на почве воспоминаний о колонизации или переселении влекут субъективную веру в единство своего происхождения и стремятся на этом основании к созданию общности, мы будем называть (если только они не представляют собой роды) этническим группами, причем не важно, существует ли единство крови объективно. Этническая близость от родовой общности отличается тем, что является именно близостью (в силу веры в нее), а не общностью, как род, к сущности которого принадлежит реальное общностное действие. Этническая близость в этом смысле представляет собой не общность, а лишь момент, облегчающий ее образование. Она способствует становлению любой – и, как показывает опыт, более всего политической – общности. В то же время обычно именно политическая общность, пусть даже искусственно созданная, будет веру в этническое единство, которое может существовать даже после ее распада, если, конечно, этому не мешают глубокие различия обычаев, физического типа и прежде всего языка» (Вебер 2017: 72).

альных групп внешними наблюдателями. Эти идентификации происходят в процессе коммуникации, и наряду с прочими идентификациями определяется и этническая. В каждом конкретном случае в зависимости от самых разных обстоятельств выделяются те или иные черты (вера в общее происхождение, язык, обычаи, история и пр.), которые участники коммуникационного процесса учитывают как маркеры этнической принадлежности. Соответственно, этничность может в итоге выражаться по-разному, но два элемента, «кажется», присутствуют во всех ситуациях: это имя (этноним) и необходимость общественного признания этнической самоидентификации не как произвольной, а как отсылающей к «глубинной структуре».

Этническая идентичность – лишь одна из социальных идентичностей. Из этого следует, что этнические и социальные группы следует изучать вместе, имея в виду их «взаимопроницаемость». При этом в разных ситуациях, в разные периоды и в разных исторических обстоятельствах этничность может достигать разного «уровня» и становиться более или менее «выдающейся» «для интеграции и делимитации социальных групп» (Pohl 2013a: 3, 26). Поль использует термины «degree» («уровень») и «salient» («выдающийся», буквально: «выпуклый»), которые употребляются в социологической и антропологической (этнологической) литературе для характеристики этничности.

По Полю, этническое сознание все-таки отличалось от других форм социальной самоидентификации. Он приводит список этих форм, возможных в Средневековье, подробно описывая и указывая на конкретные примеры: родовые группы, этнографические категории (типа римских «германцев» или византийских «скифов»), территориально-региональные, городские и военно-дружинные идентичности, нации, религиозно-конфессиональные и политические идентичности. Этнические группы отличаются от прочих тем, что мыслятся их членами как «глубоко-укорененные, квази-естественные, самодостаточные рода или виды (deeply constituted, quasi natural, intrinsic kinds)» (там же: 11). Если большинство перечисленных идентичностей ключевую «точку отсчета» (point of reference) или «общий знаменатель» (common denominator) имеют вне группы как таковой (город, территория-земля, государство, религиозная доктрина и т. д.), то «в этничности принцип различения и символическая сущность общности мыслятся как находящиеся внутри нее самой». Символизм этнической общности «строится на родстве, крови, происхождении и [общей] судьбе. Отличительные черты воспринимаются как выражение сущностной самости, врожденной общей природы». «Мистика» этнического самосознания заключается в самом народе, а не в каком-то внешнем объекте, служащем фундаментом разделяемых общностью ценностей. Этничность тем самым принадлежит к «примордиальным кодам» коллективной идентичности, – даже так выражается Поль, не боясь отсылки к «примордиализму» (там же: 25).

Вместе с тем, Поль избегает принципиального противопоставления групп на этнические и те, которые таковыми не являются. По его мнению, признание существования этничности подразумевает и дает не «объективные» критерии для определения этноса (этнической группы), а «индикаторы для оценки значимости (salience – «выпуклости») этнических идентификаций в данном обществе» (там же: 26). Иными словами, если этничность рожда-

ется из тех или иных групп (социальных, политических, религиозных) – с соответствующими идентичностями – и охватывает те или иные группы, то это не значит, что эти группы и идентичности обязательно исчезают; между ними возможны разного рода сочетания и взаимодействия (возможно, сознательная «игра»-манипуляция) в зависимости от конкретной исторической ситуации и контекста (культурного, политического и пр.), а в итоге происходят трансформации как сознания, так и социальной реальности.

Обращаясь к более конкретному вопросу о том, как можно зафиксировать и описать этничность «в действии», Поль исходит из мысли, что идентификации между индивидом, группой, к которой он принадлежит (in-group), и внешними группами (out-group) (см. выше о «сериях идентификаций»), происходят в процессе коммуникации, следующем по определенным правилам и кодам. Эти правила и коды, ведущие к возникновению этнической идентичности, складываются в «дискурс этничности» – то есть некие высказывания, использующие и выстраивающие определенные модели, нарративы, репертуары и вообще всякого рода «сценарии идентичности» (scripts for identity).

Кроме того, социальная коммуникация и прескрептивно-организационная функция этничности подразумевают «политические и культурные стратегии идентификации и различения», которые ведут к успеху (утверждению) этничности в «социальном поле» – это могут быть наименования, отсылки к прошлому и традиции, материальные и ритуальные знаки и символы, и т. д. Этот успех (или неуспех) выражается во вполне конкретных действиях (война, мобилизация ресурсов и пр.) и фиксируется внешними наблюдателями, которые приписывают его соответствующей (этнической) группе.

Работая с текстами (и отчасти изображениями и материальными объектами с символическим содержанием), историк имеют возможность понять «способ, которым общество осознавало себя и окружающих как этнические группы». «Дискурс – это не просто отражение общества прошлого; сам по себе он уже является социальной практикой». Тем более «социально насыщенными» оказываются наблюдения над тем, как этничность использовалась на практике и какие организационные формы она создавала: от бродячих дружин до обширных политий и даже империй. «Не следует относиться к нашим (раннесредневековым – П. С.) источникам как к простому отражению реальности или же как к «непреодолимому барьеру» между нами и этой реальностью, – в них надо видеть прямые выражения постоянных усилий по социальной идентификации», в том числе или даже в первую очередь – этнической (там же: 43–44, 49).

Дискурс, «стратегии идентификации» и действия общности отражаются в письменных источниках. Это то, что доступно историческому исследованию, в частности, касающемуся Средних веков. Средневековые источники зато практически не сообщают о личном самосознании и выборе идентификации индивидами или небольшими группами – это тот «уровень» исследования идентичности, который медиэвистам недоступен (там же: 26–27).

О «дискурсе этничности» и «стратегиях различения» Поль писал в разных работах, работая как историк-практик с источниками. Исходя из идеи М. Фуко о связи дискурса с господством, он показывал, как через определенные символические и нарративные модели элита пытается навязать

доминирование подчиненному населению (Pohl 2015a), или как мужское господство устраняет женщин из дискурса (Pohl 2004a). В других работах показано, что отдельные авторы могли использовать разные и даже противоречивые подходы к идентификации в зависимости от индивидуальных предпочтений (Pohl 2010). Поль исследовал также внешние черты, которые и в античности, и в Средние века расценивались как этнографические отличия (язык, оружие, одежда, прическа) и которые, как выясняется, не были обязательной принадлежностью этноса и не имели строгой дифференцирующей функции, но служили скорее символическим кодом, актуализировавшимся только при некоторых условиях и обстоятельствах (Pohl 1998b; 2012). Речь шла и о том, как в различных нарративах структурировались этническая картина по этническим или квази-этническим наименованиям, а также по действиям тех или иных этнических групп (Pohl 2004b).

Важнейший аспект исследований В. Поля и его сотрудников – осмысление в средневековых культурах их прошлого, главного поставщика мифов и идеалов, интегрирующих общность. Это направление следует во многом идеям, которые звучали в современных дискуссиях, например, касающихся «места памяти» Пьера Нора или «мифомоторики» (mythomoteur) Энтони Смита и др. Как выясняется, и средневековые авторы активно разрабатывали «ресурсы прошлого» для обоснования и корректировки этнической идентичности.

Поль, отказавшись от «ядра традиции», прибегает к другим идеям – связанным с теорией «культурной памяти», которую развивает, в частности, Ян Ассман (см.: Ассман 2004). Эта теория позволяет Полю трактовать в одной – причем более широкой и гибкой – перспективе осмысление ранне-средневековыми авторами как «варварского», так и «римского» прошлого, которые предлагали «целый ряд направлений идентификации» (a variety of strands of identification) – от Израиля Ветхого Завета до классических мифов (например, о Трое) и языческих преданий «варваров» (Pohl, Wood 2015: 6 и след.). Функционирование «культурной памяти» как памяти исключающей и включающей, избирательной в усвоении одного и отторжении другого, служащей интеграции и конструированию общности, Поль изучает в книге о письменной исторической традиции лангобардов (Pohl 2001).

Особое внимание Поль и его сотрудники обращают на библейские модели и христианскую литературу, которая задавала, наверное, главные и наиболее авторитетные «сценарии идентичности». По мнению Поля, этот репертуар образцов и архетипов внес решающий вклад в «этнический поворот», который произошел в Европе в раннее Средневековье (Pohl 2008b). Христианство не противостояло этническим идентификациям и даже прямо легитимизировало их, открыв дорогу к спасению не только одному избранному народу, но всем *ἔθνη* / *gentes*, обратившимся к Христу. В результате этнические организационные формы, противостоящие римской имперско-гражданской идентичности, не только сумели обрести политические границы (это было только полдела), но и отлились в легитимный дискурс этнического разнообразия (Pohl 2013: 8–17, 34–35).

Позднее набор этнических идентификаций, возникший в раннее Средневековье, уточнялся (особенно в пост-каролингскую эпоху) и в чем-то менялся, но в высокое Средневековье он, испытав серьезную политическую

перекройку, устоялся и сохранился *mutatis mutandis* до сегодняшнего дня. Конечно, за этим не следует видеть стабильность собственно народов (этносов) и преэсущественности «наций» (в этом Поль вполне солидарен с П. Гири и другими учеными), но устойчивость самого этнического дискурса в Европе обращает на себя внимание и позволяет говорить о специфике «западной цивилизации». «В Средние века возникли не нации, а модель этнического порядка, которая продолжала использоваться – с перерывами, но снова и снова – в европейской истории (*it was not nations that emerged in the Middle Ages, but a model of ethnic rule that continued to be used, intermittently but repeatedly, in European history*)», – заключает Поль (Pohl 2015b: 204).

* * *

Итак, идеи о «германской» специфике эпохи Великого переселения и раннего Средневековья, распространенные с XIX в. в медиевистике, особенно немецкой, во второй половине XX – начале XXI в. преодолеваются и уходят в прошлое. Важнейший этап в этом преодолении наследия романтизма – книга Р. Венксуса, а также исследования Х. Вольфрама и некоторых других историков, развивавших подходы Венксуса. В этих работах показано, что общности той эпохи, обозначавшиеся в латинских источниках как *gentes*, являлись не биологически родственными группами (хотя они могли выдавать себя за таковых), а неоднородными конгломератами масс людей, преследовавших политические и военные цели. Постепенно из *gentes* вырастают *regna* – раннесредневековые политии. Ключевой вопрос, что крепил эти общности помимо завоевания и силового господства (а одни эти факторы могут иметь лишь временное и относительное значение), стал исходным для изысканий и размышлений Вальтера Поля.

Поль пришел в итоге к отказу от идеи «ядра традиции» как неких устных племенных или династических преданий, а также от понимания *gentes* как своеобразных племен-этносов эпохи «гентилизма». Вместе с тем австрийский историк не поддержал настойчиво высказывавшуюся мысль, что этническое самосознание в Средние века отсутствовало вовсе. Он его предлагает понимать в контексте широкого спектра социально-политических идентичностей. И это самосознание находилось в сложном взаимодействии с реальностью – не только откликаясь на нее, но и формируя ее, прежде всего, через определение тех или иных «стратегий идентификации и различения» и «сценариев идентичности».

С точки зрения Поля, в принципе можно говорить об этносе – его существование фиксируется как объективная реальность, – но ключевым в его понимании становятся не «внеположенные» (независимые от сознания человека) критерии, а идентичность и сознание групп и индивидов, создающих некий дискурс о себе как народе (это и есть этничность). В этом дискурсе важнейшее место принадлежит осмыслению и презентации прошлого, которое «работало» как интегрирующий фактор для той или иной группы – как собственно этнической, так и социально-политической, связанной с этническим сознанием (воспринимающей или отталкивающей его). Главное, что здесь нет неизменных (примордиальных) сущностей, – наоборот, идентичности, в том числе этническая, постоянно меняются.

Такой подход, на мой взгляд, имеет целый ряд преимуществ, а в плоскости исторического исследования особенно важен методологический аспект. Этот подход позволяет избежать противостояния примордиалистов и конструктивистов, акцентируя двоякую функцию дискурса (отражающегося в текстах–исторических источниках): дискурс конструирует понимание социального мира, но в то же время он рожден социальными структурами и ведет к поддержанию или созданию структур.

Многие исследователи осознают, что расхождение примордиалистов и конструктивистов отражает сущностное противоречие в базовых для науки дихотомиях – структура vs действие, объективное vs субъективное, коллективное vs индивидуальное, теория (идея) vs практика, бессознательное vs осознанное, и т. п. (с понятным соответствием в этих парах). Но из этого, видимо, нерешаемого в принципе и уже изживающего себя противостояния предлагаются в настоящее время выходы, в том числе и на теоретико-методологическом уровне (см., например, в западной литературе и русской: Antweiler 2015; Кадыров Ш. Х. и др. 2013). Историки, особенно занимающиеся древними эпохами, по самой сути своих исследований ориентированы более прагматически и, очевидно, в большей мере склонны к примирению позиций¹⁰⁶.

Поворот, который намечился в исследованиях раннего Средневековья, связан с разными факторами – от влияния школы «Анналов» до дискуссий о происхождении наций. Результат заключается не только в пересмотре идей Венкуса или Вольфрама или окончательном отказе от идеи «германского континуитета»: более важной становится новая перспектива научного поиска – вне старого спора «романистов» и «германистов», вне постмодернистского «гносеологического пессимизма», вне спора примордиалистов и конструктивистов. Эта перспектива гораздо сильнее ориентирована на сознание человека, чем на «объективную реальность», но человек этот видится как «погруженный» в социальный мир и историю. Происходит соответствующее обновление понятийного аппарата: вместо политических структур и классового или сословного самосознания говорят скорее об идентичности и стратегиях идентификации, вместо «племен», этносов и наций – об этничности, вместо идеологии и общественной мысли – о дискурсе и культурной памяти...

В этом смысле работы Поля не одиноки. Помимо участников его проектов (Я. Вуд, Р. МакКиттерик, М. Де Йонг, Г. Хайдемманн, Х. Реймитц и др.), а также упоминавшихся выше П. Гири и П. Хизера, можно назвать, например, английского историка Гая Хэлсолла, который тоже ставит в центр исследования Великого переселения народов понятия идентичности и этничности. Хотя Хэлсолл отталкивается от англо-саксонской историографической традиции, его акцент на этничности, а не на этносе во многом соответствует трактовке Поля. Он тоже понимает этничность как коллективную идентичность и выделяет ее черты – *cognitive* (мыслительная), *multi-layered*

¹⁰⁶ Так, П. Хизер справедливо пишет, что примордиализм и конструктивизм – это два разных взгляда в одном спектре интерпретаций (Хизер 2016: 51). См. попытку «примирительного» подхода в отечественной историографии: Алимов 2016: 8–9.

(многослойная/множественная), performative (перформативная), situational (ситуационная) и dynamic (динамичная/изменчивая) (Halsall 2007: 35–45).

Разумеется, совсем не обязательно соглашаться со всеми теориями и заключениями, которые были изложены. Смысл этого обзора был, прежде всего, в том, чтобы показать историографический контекст, в котором они возникли и обсуждаются. Тогда становится яснее смысл понятий, которые звучат в этих дискуссиях, и можно ожидать адекватное восприятие и этих теорий, и понятий учеными, занимающимися историей средневековой Руси. В «древнерусской перспективе» методологически важнейшими представляются следующие итоги разработок «австрийской школы».

Во-первых, противостояние, наметившееся в современных работах (и, в общем, соответствующее противостоянию «примордиалистов» и «конструктивистов»), между моделью «древнерусской народности» и идеей о Руси как о «воображаемом сообществе» вряд ли уже является продуктивным, и поэтому должно быть преодолено. Как убеждает опыт западной историографии, ключевой в этом преодолении является смена научного поиска. Историк должен интересоваться не этнос как нечто, существующее вне субъективного понимания, сводящееся к одежде, обычаям, языку и пр. (не говоря уже о биологической связи), а этничность – то есть прежде всего дискурсы об этничном, отражающие сознание этнических различий и разграничений. Констатация этничности позволяет уже говорить (хотя бы предположительно) и об этносе как о некоей группе людей, существующей «объективно».

Если в самом начале русско-византийских договоров 911 и 944 гг. (древнейших аутентичных источников по истории Руси) одна из сторон определяет себя: «мы от рода рускаго» (ПСРЛ 1: 32–33, 46), крайне странно игнорировать эту самоидентификацию и утверждать, что Русь X в. не являлась на самом деле народом (этносом), а была лишь «воображена» таковым в писаниях позднейших летописцев (Толочко А. 2015: 270 и след., 307–314). Очевидно, историк, утверждающий это, спорит с прямолинейными трактовками этой фразы договоров как индикатора уже сложившегося то ли «русского народа», то ли «древнерусской народности» (см., например: Сахаров 1986). Но гораздо плодотворнее кажется не вести спор, меняя просто знак ‘+’ на ‘–’ (было – не было), а выбрать иной угол зрения, признав, что в этих словах есть, по крайней мере, некое представление об этничном (этничность или этническая идентичность). Что за этим представлением стояло, надо, конечно, уже специально разбираться, анализируя, что именно значило это выражение (и его отдельные слова) в контексте данного конкретного документа и в сравнении с другими свидетельствами об идентичности Руси. Но все-таки мы имеем полное право предполагать существование определенной этнической группы под именем «Русь».

Во-вторых, имея в виду идентичность как главный объект исследования, надо и знать, где ее искать, и уметь ее разглядеть. Надо быть готовым, с одной стороны, к тому, что этническая идентичность была текучей и переменчивой, сливаясь с идентичностями разных групп – социальных, политических, религиозных. С другой стороны, обычно утверждения этничности (по крайней мере, в нарративах) связаны с ее легитимизацией, разворачивающейся с помощью обращения к прошлому. Эти обращения тоже могут

быть весьма изменчивыми и разнообразными, завися и от индивидуальных устремлений тех или иных авторов, и от интересов разных поколений или групп людей. Нельзя не согласиться с тезисом В. А. Тишкова: к «фундаментальному вопросу: «откуда пошла земля русская», отражающему поиск некоей коллективной идентичности, надо подходить с пониманием, что «историческая динамика этого чувства коллективной идентичности... в те времена (как и в последующие эпохи) не могла быть одинаково выраженной, повсеместной и непрерывной» (Тишков 2013: 91).

Для описания этой динамики недостаточно инструментария теории «древнерусской народности»: подход и понятийный аппарат должны быть более тонкими и дифференцированными. Так, современные исследования начального летописания показывают, что авторы и редакторы, причастные к составлению тех или иных его частей (редакций «Повести временных лет», «Начального свода» и предшествующего летописания), не развивали одной какой-либо стройной и последовательной теории происхождения Руси¹⁰⁷, а предлагали некие «стратегии различения/идентификации» или «сценарии идентичности», которые выражались в русле нескольких этнополитических и этнорелигиозных дискурсов. Понятие Руси/Русской земли имело не одно значение, а «иерархию смыслов». В этой ситуации правильнее говорить не об одной «народности», а о нескольких уровнях идентичности, между которыми этническое сознание могло перемещаться или «плавать» в зависимости от установок авторов (производителей) «дискурса этничности».

Разумеется, конкретно-исторические исследования должны еще показать, насколько подходы, основанные на современной трактовке идентичности и этничности и опробованные западными медиевистами, применимы к древнерусским материалам. Некоторый опыт такого рода исследований уже есть¹⁰⁸. Но глубокое и всестороннее обновление понятийного аппарата и методологического инструментария историков, занимающихся этно- и политогенезом средневековой руси, только предстоит.

Источники

ПСРЛ 1 – Полное собрание русских летописей. Т. 1: Лаврентьевская летопись. 2-е изд. Изд. Е. Ф. Карский Л., 1926.

Научная литература

Алимов Д. Е. Этногенез хорватов: формирование хорватской этнополитической общности в VII–IX вв. СПб., 2016.

Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / Пер. с англ. В. Николаев, вступ. ст. С. Баньковская М. 2001.

¹⁰⁷ См. вывод Н. И. Толстого о «гетерогенной парадигме» «славянского самосознания» в «Повести временных лет» с «несколькими компонентами-показателями»: Толстой 2000 [1993]: 446.

¹⁰⁸ См. попытку такого применения: Стефанович П. С. Идентичность руси в «имперско-эсхатологической» перспективе составителя «Начального свода» // Древняя Русь: вопросы медиевистики. 2018 (в печати).

Ассман Я. Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Пер. с немецкого М. М. Сокольская М., 2004.

Брубейкер Р. Этничность без групп / Пер. с англ. И. М. Борисова, 2012.

Вебер М. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии / Пер. с немецкого: И. А. Сударикова, А. В. Михайловский, М. И. Левина, В. А. Брун-Цеховой, Д. Б. Цыганков, Под общ. ред. Л. Г. Ионина Т. II: Общности. М., 2017.

Вольфрам Х. Готы. От истоков до середины VI века / Пер. с немецкого Миловидов Б., М. Шукин СПб., 2003.

Данилевский И. Н. Древнерусская государственность и «народ русь»: возможности и пути корректного описания // *Ab imperio*. 2001. № 3. С. 147–168.

Дмитриев М. В. Проблематика проекта «*Confessiones et nationes*: конфессиональные традиции и протонациональные дискурсы в истории Европы» // Религиозные и этнические традиции в формировании национальных идентичностей в Европе. Средние века — Новое время. М., 2008. С. 15–42.

Кадыров Ш. Х. и др. Матрица этнологии. Очерки о теории и методологии. М., 2013.

Кучкин В. А. «Русская земля» по летописным данным XI – первой трети XIII в. // Древнейшие государства Восточной Европы. 1992–1993 годы. М., 1995. С. 74–100.

Лукин П. В. Восточнославянские «племена» и их князья: Конструирование истории в Древней Руси // Предания и мифы о происхождении власти эпохи Средневековья и раннего Нового времени. Материалы конференции «Славяне и их соседи» (XXV конференция. Москва, 2010 г.). М., 2010. С. 83–89.

Насонов А. Н. «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства: Историко-географическое исследование // Насонов А. Н. «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства: Историко-географическое исследование. Монголы и Русь: история татарской политики на Руси. СПб., 2002 [1951].

Петрухин В. Я. Древняя Русь: этнический аспект становления и развития государственности // Этнический и религиозный факторы в формировании и эволюции российского государства / отв. ред. Т. Ю. Красовицкая, В. А. Тишков М., 2012. С. 9–59.

Петрухин В. Я. «Этничность» в древней Руси // Восточная Европа в древности и средневековье. Античные и средневековые общности. XXIX Чтения памяти Пашуто В. Т. Москва, 19–21 апреля 2017 г. Материалы конференции. М., 2017. С. 190–194.

Сахаров А. Н. «Мы от рода русского»: Рождение русской дипломатии. Л., 1986.

Стефанович П. С. Бояре, отроки, дружины: Военно-политическая элита Руси в X–XI веках. М., 2012.

Тишков В. А. Российский народ: история и смысл национального самосознания. М., 2013.

Толочко А. П. Воображенная народность // *Ruthenica*. Т. I. К., 2002. С. 112–117.

Толочко А. П. Очерки начальной руси. СПб., 2015.

Толочко П. П. Древнерусская народность: воображаемая или реальная. СПб., 2005.

Толстой Н. И. Этническое самопознание и самосознание Нестора Летописца, автора «Повести временных лет» // Из истории русской культуры. Т. 1. М., 2000. С. 441–447 [1993].

Филиппов Р. В. «Советская теория этноса». Историкографический очерк. М., 2010.

Фроянов И. Я. Киевская Русь: Очерки отечественной историографии. Л., 1990.

Хизер П. Великие завоевания варваров. Падение Рима и рождение Европы / Пер. с англ. С. В. Чепелевского, Г. Ю. Чепелевской М., 2016.

- Шницр А. М.* Венская школа исторической этнографии и проблема этногенеза в эпоху раннего Средневековья (опыт историографического обзора) // Альманах по истории средних веков и раннего Нового времени. 2013. № 3–4. С. 42–52.
- Щавелев А. С.* Славянские «племена» Восточной Европы X–первой половины XI века: аутентификация, локализация и хронология // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana* / Петербургские славянские и балканские исследования. 2015. № 2. С. 99–133.
- Юсова Н. М.* Генезис концепції давньоруської народності в історичній науці СРСР (1930-ті — перша половина 1940-х рр.). Вінниця, 2005.
- Antweiler Ch.* Ethnicity from an Anthropological Perspective // *Ethnicity as a Political Resource. Conceptualizations across Disciplines, Regions, and Periods.* Ed. by University of Cologne Forum «Ethnicity as a Political Resource». Bielefeld, 2015. P. 25–38.
- Bowlus Ch.R.* Ethnogenesis: The Tyranny of a Concept // Gillett 2002. P. 241–256.
- Curta F.* From Kossinna to Bromley: Ethnogenesis in Slavic Archeology // Gillett 2002. P. 201–220.
- De Voss G., Romanucci-Ross L.* Ethnic Identity: A Psychocultural Perspective // *Ethnic Identity. Creation, Conflict, and Accommodation.* Ed. G. A. De Vos, L. Romanucci-Ross. Walnut Creek, 1995. P. 349–379.
- Geary P.* Ethnic Identity as a Situational Construct in the Early Middle Ages // *Mitteilungen der anthropologischen Gesellschaft in Wien.* Bd. 113 (1983). S. 15–26.
- Geary P.* Before France and Germany: The Creation and Transformation of the Merovingian World. Oxford, New York, 1988.
- Geary P.* Phantoms of Remembrance: Memory and Oblivion at the end of the first Millennium. Princeton, 1994.
- Geary P.* The Myth of Nations: The Medieval Origins of Europe. Princeton, 2002.
- Gillett A.* (ed.). On Barbarian Identity. Critical Approaches to Ethnicity in the Early Middle Ages. Turnhout, 2002.
- Goffart W. A.* Barbarians and Romans A. D. The Techniques of Accommodation. Princeton, 1980. P. 418–584.
- Goffart W. A.* The narrators of barbarian history (A. D. 550–800): Jordanes, Gregory of Tours, Bede, and Paul the Deacon. Princeton, 1988.
- Goffart W. A.* Does the Distant Past Impinge on the Invasion Age Germans? // Gillett 2002. P. 21–38.
- Halsall G.* Barbarian Migrations and the Roman West. P. 376–568. Cambridge, 2007.
- Jenkins R.* Social Identity. 2nd ed. London, New York, 2004.
- Jenkins R.* Rethinking Ethnicity: Arguments and Explorations. 2nd ed. L., 2008.
- Kulikowski M.* Nation versus Army: A Necessary Contrast? // Gillett 2002. P. 69–84.
- Plokhy S.* The Origins of the Slavic Nations: Premodern Identities in Russia, Ukraine, and Belarus. Cambridge, NY etc., 2006.
- Pohl W.* Gentilismus // *Reallexikon der germanischen Altertumskunde.* 2. Auflage. Hrsg. von H. Jankuhn, H. Beck u.a. Bd. 11. Berlin–New York, 1998a. P. 91–101.
- Pohl W.* Introduction: Strategies of Distinction; Telling the Difference: Signs of Ethnic Identity // *Strategies of Distinction: The Construction of the Ethnic Communities, 300–800.* Ed. By W. Pohl, H. Reimitz. Leiden, 1998b. P. 1–15, 17–69.
- Pohl W.* Werkstätte der Erinnerung. Montecassino und die Gestaltung der langobardischen Vergangenheit (= Mitteilungen des Instituts für österreichische Geschichtsforschung. Ergänzungsband 39). Wien etc., 2001.
- Pohl W.* Ethnicity, Theory, and Tradition: A Response // Gillett 2002. P. 221–239.
- Pohl W.* Die Germanen. München, 2004 [2000].
- Pohl W.* Gender and Ethnicity in the Early Middle Ages // *Gender in the Early Medieval World. East and West, 300–900.* Ed. by L. Brubaker, J. M. H. Smith. Cambridge, 2004a. P. 23–43.

Pohl W. Der Germanenbegriff vom 3. bis zum 8. Jahrhundert – Identifikationen und Abgrenzungen // Zur Geschichte der Gleichung „germanisch-deutsch“. Sprache und Namen, Geschichte und Institutionen. Hrsg. von H. Beck, D. Geuenich, H. Steuer. Berlin, 2004b. P. 163–184.

Pohl W. Gentile Ordnungen // Enzyklopädie des Mittelalters, 2 Bände. Hrsg. von G. Melville, M. Staub. Bd. 1. Darmstadt, 2008a. P. 171–175.

Pohl W. Die ethnische Wende des Frühmittelalters und ihre Auswirkungen auf Ostmitteleuropa. Leipzig, 2008b.

Pohl W. Introduction: Ego Trouble? // Ego Trouble: Authors and their Identities in the Early Middle Ages. Ed. by R. Corradini, M.B. Gillis, R. McKitterick, I. van Reenswoude. Wien, 2010. P. 9–22.

Pohl W. Sprache und Identität: Einleitung // Sprache und Identität im frühen Mittelalter. Hrsg. von W. Pohl, B. Zeller. Wien, 2012. P. 9–22.

Pohl W. Introduction – Strategies of Identification: A Methodological Profile // Strategies of Identification. Ethnicity and Religion in Early Medieval Europe. Ed. by W. Pohl, G. Heydemann. Turnhout, 2013a. P. 1–64.

Pohl W. Christian and Barbarian Identities in the Early Medieval West: Introduction // Post-Roman Transitions. Christian and Barbarian Identities in the Early Medieval West. Ed. by W. Pohl, G. Heydemann. Turnhout, 2013b. P. 1–45.

Pohl W. Goths and Huns // A Companion to Ethnicity in the Ancient Mediterranean. Ed. by J. McInerney. Hoboken, 2014. P. 555–568.

Pohl W. Die Awaren: Ein Steppenvolk in Mitteleuropa. Ch. 3. Auflage. München, 2015 [1988]. P. 567–822.

Pohl W. Genealogy: A Comparative Perspective from the Early Medieval West // Meanings of Community across Medieval Eurasia: Comparative Approaches. Ed. by E. Hovden, Ch. Lutter, W. Pohl. Leiden-Boston, 2015a. P. 232–269.

Pohl W. Political Uses of Ethnicity in Early Medieval Europe // Ethnicity as a Political Resource. Conceptualizations across Disciplines, Regions, and Periods. Ed. by University of Cologne Forum «Ethnicity as a Political Resource». Bielefeld, 2015b. P. 201–208.

Pohl W., Wood I. Introduction: Cultural Memory and the Resources of the Past // The Resources of the Past in Early Medieval Europe. Ed. by C. Gantner, R. McKitterick, S. Meeder. Cambridge, 2015. P. 1–13.

Tolochko O. The Primary Chronicle's «Ethnography» Revisited: Slavs and Varangians in the Middle Dnieper and the Origin of Rus' State // Franks, Northmen, and Slavs: Identities and State Formation in Early Medieval Europe. Ed. by I. H. Garipzanov, P. J. Geary, P. Urbanczyk. Turnhout, 2007. P. 169–188.

Wenskus R. Stammesbildung und Verfassung. Das Werden der frühmittelalterlichen gentes. Köln etc., 1961.

Wolfram H. Die Goten. Von den Anfängen bis zur Mitte des sechsten Jahrhunderts. München, 1980.

Wolfram H. Typen der Ethnogenese. Ein Versuch // Die Franken und die Alemannen bis zur «Schlacht bei Zülpich» (496/97). Hrsg. von D. Geuenich. Berlin, New York, 1998. P. 608–627.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Айзенштат Марина Павловна – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра истории исторического знания Института всеобщей истории РАН. E-mail: m.aizen@mail.ru

Армарчук Екатерина Александровна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела средневековой археологии Института археологии РАН. E-mail: katherine-arm@yandex.ru

Белова Анна Валерьевна – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры всеобщей истории Тверского гос. университета. E-mail: belova_tver@rambler.ru

Белякова Надежда Алексеевна – кандидат исторических наук, научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, доцент Национального исследовательского ядерного университета «МИФИ» (Москва). E-mail: beliacova@mail.ru

Бобкова Марина Станиславовна – доктор исторических наук, главный научный сотрудник, руководитель Центра истории исторического знания Института всеобщей истории РАН. E-mail: bobkova_marina@list.ru

Буганов Александр Викторович – доктор исторических наук, заведующий отделом русского народа Института этнологии и антропологии РАН. E-mail: buganov@rambler.ru

Громова Анна Игоревна – младший научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН. E-mail: anna4gromova@yandex.ru

Дроздов Константин Сергеевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра истории народов России и межэтнических отношений Института российской истории РАН. E-mail: k-drosdow@yandex.ru

Дубровская Елена Юрьевна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора истории Института языка, литературы и истории Карельского НЦ РАН (г. Петрозаводск). E-mail: ldubrovskaya@inbox.ru

Ефремова Валентина Николаевна – кандидат политических наук, научный сотрудник отдела политической науки ИНИОН РАН. E-mail: efremova-valentina@mail.ru

Жиромская Валентина Борисовна – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института российской истории РАН. E-mail: zhyromskaya@yandex.ru

Зайцева Ирина Евгеньевна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела средневековой археологии Института археологии РАН. E-mail: izaitseva@yandex.ru

Илле Михаил Евгеньевич – старший преподаватель кафедры философии и социальных коммуникаций СПб Университета гражданской авиации; издатель и редактор журнала «Телескоп»: журнал социологических и маркетинговых исследований». E-mail: red_tel@mail.ru

Ионов Игорь Николаевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра интеллектуальной истории Института всеобщей истории РАН. E-mail: cih@igh.ru.

Клюева Вера Павловна – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института проблем освоения Севера Тюменского научного центра СО РАН. E-mail: vormpk@gmail.com

Кляус Владимир Леонидович – доктор филологических наук, заведующий отделом фольклора Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН. E-mail: v.klyaus@mail.ru

Ковалев Михаил Владимирович – кандидат исторических наук, доцент, научный сотрудник отдела истории Европы XVIII–XIX вв. Института всеобщей истории РАН. E-mail: kovalevmv@yandex.ru

Коваль Владимир Юрьевич – кандидат исторических наук, заведующий отделом средневековой археологии Института археологии РАН. E-mail: kovaloka@mail.ru

Козлов Владимир Петрович – доктор исторических наук, член-корр. РАН, главный научный сотрудник, заслуж. проф. РГГУ. E-mail: petrovich1949.kozlov@yandex.ru

Коновалова Ирина Геннадиевна – доктор исторических наук, заместитель директора Института всеобщей истории РАН. E-mail: irina_konovalova@mail.ru

Крысько Вадим Борисович – доктор филол. наук, проф., dr. h. c. Упсальского университета, главный научный сотрудник отдела древнерусского языка Института русского языка РАН. E-mail: vbkrysko@yandex.ru

Кузина Инна Николаевна – младший научный сотрудник отдела средневековой археологии Института археологии РАН. E-mail: kuzina.i@gmail.com

Лисовой Николай Николаевич – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института российской истории РАН. E-mail: nlisovoj@yandex.ru

Лупанова Евгения Михайловна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории Кунсткамеры и российской науки XVIII в. (Музей М. В. Ломоносова) МАЭ РАН. E-mail: lupanova@kunstkamera.ru

Мазалова Наталия Евгеньевна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН. E-mail: mazalova.nataliya@mail.ru

Малинова Ольга Юрьевна – доктор философских наук, главный научный сотрудник ИНИОН РАН, профессор Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». E-mail: omalinova@mail.ru

Маловичко Сергей Иванович – доктор исторических наук, профессор кафедры Теории и истории гуманитарного знания Российского государственного гуманитарного университета; профессор. E-mail: sergei.malovichko@gmail.com

Мельникова Любовь Владимировна – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН. E-mail: melnikova-lv@mail.ru

Мирзеханов Велихан Салманханович – доктор исторических наук, профессор, заместитель директора по научной работе Института всеобщей истории РАН. E-mail: lum62@yandex.ru

Мицюк Наталья Александровна – доктор исторических наук, Смоленский государственный медицинский университет, старший преподаватель кафедры философии, биоэтики, истории медицины и социальных наук. E-mail: ochlokratia@yandex.ru

Назаренко Александр Васильевич – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института российской истории РАН. E-mail: avnazarenko-hist@yandex.ru

Пушкарева Наталья Львовна – доктор исторических наук, профессор, заведующая сектором этногендерных исследований ИЭА РАН. E-mail: pushkarev@mail.ru

Савин Игорь Сергеевич – кандидат исторических наук, заведующий сектором Центра изучения Центральной Азии, Кавказа и Урало-Поволжья Института востоковедения РАН. E-mail: savigsa@inbox.ru

Савоскул Сергей Сергеевич – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН. E-mail: salotop@yandex.ru

Семенова Валерия Николаевна – кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела этнографии Африки Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, ассистент кафедры африканистики Восточного факультета СПбГУ. E-mail: vnsemenova@gmail.com.

Сидоров Александр Иванович – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра истории исторического знания Института всеобщей истории РАН. E-mail: alexhist@mail.ru

Смирнова Ирина Юрьевна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института российской истории РАН. E-mail: irinasmirnova@mail.ru

Стефанович Петр Сергеевич – доктор исторических наук, профессор, Научно-исследовательский университет–Высшая школа экономики / Институт российской истории РАН. E-mail: petr.stefanovich@mail.ru

Сутягина Людмила Эдуардовна – кандидат философских наук, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН. E-mail: lousia@yandex.ru

Тишков Валерий Александрович – академик РАН, академик-секретарь Отделения историко-филологических наук РАН, научный руководитель Института этнологии и антропологии РАН

Узунова Валентина Георгиевна – кандидат философских наук, научный сотрудник Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН. E-mail: ymnesterov@gmail.com

Чернецов Алексей Владимирович – доктор исторических наук, главный научный сотрудник отдела средневековой археологии Института археологии РАН. E-mail: avchernets@yandex.ru

Шнирельман Виктор Александрович – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН, действительный член Academia Europaea. E-mail: shnirv@mail.ru.

Научное издание

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ И РОССИЙСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ

Подписано в печать 27.11.2018. Формат 70х90 1/16.
Гарнитура Times. Печ. л. 40,31.
Тираж 300 экз. Заказ № 4411.

Издатель – Российская академия наук

Оригинал-макет подготовлен
ООО «Красногорский полиграфический комбинат»

Отпечатано в типографии
ООО «Красногорский полиграфический комбинат»
115093, г. Москва, Партийный пер. д. 1, корп. 58, стр. 3.

Издается по решению Научно-издательского совета Российской академии наук (НИСО РАН) и распространяется бесплатно